

политики государственной власти. Важным фактором, позволяющим принимать участие в общественно-политической жизни, стало социально-классовое происхождение и активное следование принципам коммунистической идеологии.

2.2. Деятельность общественных организаций в рамках государственной идеологической доктрины

Общественная жизнь Бурят-Монгольской АССР второй половины 1920-х гг. протекала в противоречивых условиях реального подъема гражданской активности, с одной стороны, и усиления административного контроля органов государственной власти, с другой. В республике продолжали активно действовать ранее созданные общественные организации и образовывались новые. Являясь формой проявления разнообразных гражданских инициатив, общественные организации становились заложниками нарождающегося тоталитарного механизма, не позволявшего населению распоряжаться собственными организациями.

Общественные организации второй половины 1920-х гг. функционировали как общества «содействия социалистическому строительству», принимая на себя особые «посреднические» обязательства между государством и обществом. В этом качестве они мобилизовали народные массы для исполнения уже сформулированных государственной властью задач, двигаясь в заданном коридоре готовых решений.

Несомненное значение с точки зрения оформления мобилизационного потенциала населения, в связи с востребованной внешнеполитической концепцией распространения «мировой революции», приобрели оборонные общества. Ориентированные в большей степени на массовый прирост своих членов и на массовые формы пропагандистской работы, оборонные общества занимали весомые позиции в общественно-политической жизни республики.

С середины 1920-х гг. масштабные формы принимает деятельность общества друзей авиационно-химического строительства в Бурят-Монгольской АССР, целью которого стало распространение

и пропаганда знаний об авиационной и химической промышленности.

О масштабе деятельности общества красноречиво свидетельствуют следующие данные. На 1 июля 1926 г. Авиахим имел в своем распоряжении 28 авиахимуголков и кружков, 10 библиотек, 4 химлаборатории. Только за 1925-1926 гг. обществом было проведено 1 812 лекций, докладов, выставок. С января по сентябрь 1926 г. было прослушано множество лекций, устных выступлений по авиахимобороне на 672 собраниях, 21 конференциях, на которых присутствовало 14 тыс. человек¹⁷⁶.

Работа Авиахима была по-настоящему массовой и привела к достаточно быстрому формированию сети ячеек и росту числа членов, которых в ноябре 1926 г. насчитывалось 7 810 человек, состоящих в 190 ячейках¹⁷⁷. Приведенные данные были озвучены на I республиканском съезде Авиахима, который, безусловно, оценил это как достижение своей работы.

Являясь республиканской организацией с 8 аймачными отделениями и учитывая необходимость формирования будущих авиационно-химических предприятий в городской черте, Авиахим развивал свою деятельность в Верхнеудинске. В 1926 г. там работала 81 ячейка, из них: при государственных и предприятиях 42, фабрично-заводских — 8, военных — 4, учебных заведений — 14, транспортных — 13. Число членов Авиахима в г. Верхнеудинске всего 5 190, из них мужчин 3 809, женщин 1 381. Членов ВКП(б) 665, комсомольцев 492¹⁷⁸. Присутствие определенного количества партийных членов в составе общественной организации стало характерной чертой времени, обязательным условием деятельности общества. Показательно, что председателем Авиахима являлся М. Н. Ербанов, что во многом показывало номинальность его функций как руководителя, но определяло общественно-политическое положение организации.

¹⁷⁶ Данилова З. А. Общественные организации Бурятии (1923-1928 гг.) Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. С. 39.

¹⁷⁷ Бурят-Монгольская правда. 1926. 13 нояб. № 256. С. 3.

¹⁷⁸ ГАРБ. Ф. Р. 918. Оп.1. Д. 1. Л. 2.

Следующий 1927 год стал важным для работы рассматриваемого добровольного общества, ввиду его объединения с обществом содействия обороне в ОСОАВИАХИМ. 23 января 1927 г. на совместном заседании I Всесоюзного съезда Авиахима и 2-го пленума Центрального Совета ОСО по докладу Наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова было принято решение слить два общества в одно под названием: «Союз обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР», сокращенно ОСОАВИАХИМ СССР¹⁷⁹.

В Бурят-Монгольской АССР такое объединение было начато, судя по имеющимся документам, в марте 1927 г., из чего следует, что общество содействия обороне тоже существовало в республике и достигло довольно внушительных размеров. Необходимость полного слияния обществ выдвинулась в устранении «множественности общественно-самодеятельных организаций, в целях объединения материальных средств и сил актива и, наконец, в целях изжития параллелизма в работе, направленной к одним и тем же целям»¹⁸⁰. Следовательно, истинная причина объединения двух общественных организаций заключалась в устранении образований, осуществляющих сходные задачи. Реализация указанных целей, а также мобилизация населения для решения поставленных задач должны были протекать в рамках единых структур, подчинённых воле партии и не ведущих внутреннюю конкуренцию. Кроме того, тот факт, что слияние обществ происходило по прямому указанию его центральных органов, обусловил минимальное участие населения в решении данного вопроса. Характер принятого решения об объединении обществ создавал условия для отчуждения рядовых граждан от общественных организаций, для их формальной работы впоследствии.

Однако в период 1926-1927 гг. деятельность осоавиахимовских организаций была достаточно активной. В этом смысле самый яр-

¹⁷⁹ Мостинский И. В. Осоавиахим СССР. Сращивание общественной организации с государственным аппаратом (1935-1948 гг.) // Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2002. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 05.07.2014).

¹⁸⁰ ГАРБ. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 870. Л. 30-30 (об).

кий пример — проведение общественно-политической кампании «Неделя обороны» в июле 1927 г., в ходе которой оформлялись новые ячейки, кружки, проводились собрания, передвижные выставки. Постановлением районного собрания железнодорожников было решено отчислять 1% от заработка в фонд «Наш ответ Чемберлену», что говорило «о высоком политическом подъеме и сознательности трудящихся»¹⁸¹. Не оспаривая факт имевшегося патриотического подъема, сопутствовавший идее защиты своего Отечества, отметим, что подобные кампании относились к мероприятиям административного характера. Стимулируя активность трудящихся, они приносили лишь временный эффект, не давая импульс к долгосрочной работе низовых ячеек.

Очередной этап оживления работы общества произошел в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) «О работе Осоавиахима» от 15 марта 1928 г., в котором содержался призыв к активному участию населения страны в работе общества. В республике это проявилось в работе 28 кружков города Верхнеудинска, где проходили обучение офицеры запаса¹⁸².

Сравнивая основные показатели развития общественных организаций Восточной Сибири, необходимо отметить, что количество членов ОСОАВИАХИМа Бурятии значительно уступало числу членов Иркутской окружной организации ОСОАВИАХИМа. В составе 26 районных и городских организаций число членов выросло из нескольких тысяч в начале 1927 г. до 36 454 человек к середине 1930 г.¹⁸³

Таким образом, республиканское добровольное общество содействия обороне и авиационной промышленности функционировало в рамках задач, поставленных перед ним государственной властью. Как общественная организация, существующая в рамках авторитарной системы, Осоавиахим вынужден был прибегать к администра-

¹⁸¹ Бурят-Монгольская правда. 1927. 23 июля. № 162. С. 2.

¹⁸² Данилова З. А. Общественные организации Бурятии (1923-1928 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. С. 114.

¹⁸³ Бавыкин Ю. А. История оборонных обществ Восточной Сибири 1921-1941 гг.: автореф. дис. ^ канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. С. 22.

тивными мерам «активизации» своей работы, что постепенно формализовало его деятельность.

Образованное в 1924 г. республиканское отделение общества политкаторжан и ссыльных поселенцев структурно выделяется из всех существовавших общественных организаций, т. к. оно функционировало в форме старостата и избирало не председателя правления, а старосту. В 1925 г. старостой был избран В. А. Кригер, руководивший обществом до своей смерти в 1931 г. Специально стоит отметить, что персональный состав руководящих членов общества также оставался неизменным до начала 1930-х гг., что говорит о достаточно бесконфликтном развитии общества, не раздираемого внутренними противоречиями. Также следует указать на то, что для членов данного общества, как и для членов других общественных организаций, работа в нем не являлась основной, а становилась очередной общественной нагрузкой, характерной для членов социалистического общества. Так, Ш. Я. Шиманович был уполномоченным винзавода, И. Д. Подгорный — зав. домом санпросвета, староста общества В. А. Кригер — председатель БКС, Н. И. Беспалов — сотрудник ЦРК и т. д.¹⁸⁴

Сущность деятельности общества политкаторжан и ссыльных поселенцев состояла в предоставлении комплекса мер по социальной защите его членов, а именно начисление пенсий, выдача путевок на санаторно-курортное лечение, содействие бесплатному обучению детей ссыльнопоселенцев, помощь в деле решения жилищного вопроса и другие виды социальной помощи. Еще в 1923 г. было утверждено постановление президиума коллегии НКП СССР о бесплатном обучении детей бывших политкаторжан и ссыльных поселенцев и их иждивенцев, о распространении которого позже ходатайствовал республиканский совет общества перед НКП БМАССР¹⁸⁵. Таким образом, анализ и систематизация протоколов заседаний и конференций общества показали, что социальная поддержка бывших политических каторжан являлась основной сферой

¹⁸⁴ ГАРБ. Ф. Р. 717. Оп.1. Д. 30. Л. 2.

¹⁸⁵ Там же. Д. 17. Л. 35.

деятельности общества, чему благоприятствовала общая идеологическая обстановка 1920-х гг.

Рассматривая собственно идеологическую составляющую деятельности республиканского отделения общества, стоит обратить внимание на проведение его членами дней, декадников важных событий революционного календаря, таких как годовщина восстания декабристов 1825 г., революции 1905-1907 гг., естественно, годовщины революции 1917 г. и т. д. Особое место в деятельности общества занимало сотрудничество с республиканским отделением МОПра, цели которого нашли поддержку в рядах общества политкаторжан. В этом смысле члены ОПК должны были способствовать притоку новых членов в МОПР, а также участвовать в его мероприятиях¹⁸⁶.

К сожалению, имеющиеся в архивных фондах источники не позволяют системно описать и проанализировать деятельность данной общественной организации, а также установить точное число его членов. Однако некоторые количественные характеристики деятельности общества можно установить из доклада старосты В. А. Кригера, произнесенного на торжественном заседании общества, которое состоялось 8 октября 1930 г. и было посвящено тринадцатой годовщине октябрьских событий. В документе указано, что «заседаний старостата за этот год было 13, на которых рассмотрено 57 вопросов, из них организационного характера 16, анкет рассмотрено 9, по которым 3 членам отказано в приеме; посвященных хозяйственно-политическим и культурным вопросам и оказанию материальной помощи — 13, по курортной помощи информационного и прочего характера. Оказание материальной помощи товарищам производилось на сумму 583 рубля. Центральным советом было представлено 2 места на государственные курорты (Крым, Кавказ) и на местные курорты было послано 3 человека. В среднем на всю курортную помощь затрачено около 1 800 руб., считая и центральные курорты»¹⁸⁷. Подобный отчет дает минимальное представление о деятельности общества и говорит скорее о ее динамике,

¹⁸⁶ ГАРБ. Ф. Р. 717. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

¹⁸⁷ Там же. Л. 61-61(об).

сохраняющейся на протяжении 1920-х гг., в то время как масштабы и охват этой деятельности уступали иным обществам.

Таким образом, общество политкаторжан и ссыльных поселенцев, будучи встроенным в идеологический контекст периода 1920-х гг., эффективнее выполняло взятые на себя социальные функции, нежели функции идеологические, которые также являлись частью его работы.

Однако самыми прочными позициями среди оборонных обществ второй половины 1920-х гг. обладал республиканский МОПР, преломляющий идеи «мировой революции» к повседневным реалиям автономной Бурят-Монгольской АССР. Являясь выразителем определенных политико-идеологических взглядов правящей элиты, МОПР стал одновременно одной из ведущих общественных организаций республики. В рассматриваемое время республиканский МОПР являлся одной из самых многочисленных общественных организаций. В 1926 г. обком МОПРА сообщал, что к весне в Верхнеудинске число ячеек равнялось 87, число членов в городе 7 298, из них членов партии 539, комсомольцев 262¹⁸⁸.

С точки зрения социально-классового состава МОПР во второй половине 1920-х гг. являлся организацией с явным преобладанием крестьян в своем составе. К 1928 г. в 6 аймаках Бурят-Монгольской АССР членами МОПРА были 2 938 крестьян, 1 924 рабочих, 1 891 служащий¹⁸⁹. Имеющиеся в нашем распоряжении данные описывают социальный состав МОПРА только в 6 аймаках, а потому не являются репрезентативными в полном смысле.

Проблема количественного роста для мопровских организаций стала одной из наиболее важных. Низовые ячейки МОПРА имелись в каждом аймаке, волости, населенном пункте республики. В то же время внутренняя жизнь общества в середине 1920-х гг. не была отлаженной, регулярной, о чем свидетельствует характер задач организации. В перечень поставленных задач входило: 1. Организационное оформление нашей организации снизу доверху. 2. Переход от

¹⁸⁸ ГАРБ. Ф. Р. 918. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹⁸⁹ Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. URL: <http://www.arran.ru> (дата обращения: 12.01.2013).

уполномоченных к выборным началам. 3. Регулярные созывы конференций, пленумов и заседаний, а также ячеековых собраний для проработки практических вопросов. 4. Переход на плановую работу. 5. Выявление и полное использование мопровского актива на ячейки. 6. Установление живой связи обкома и ячеек¹⁹⁰. Воплощая в жизнь цели о массовом характере членства, республиканский МОПР внутренне являлся аморфной, неоформленной общественной организацией, что отрицательно сказывалось на его деятельности.

До 1929 г. в республике существовало Бурят-Монгольское отделение МОПРа. При каждом городском и районном комитете в качестве руководящих органов были созданы организационные бюро, контролировавшие работу, следящие за приемом новых членов¹⁹¹. Увеличение членского состава привело к разрастанию его внутренней структуры и созданию областного комитета МОПРа с отдельным управленческим аппаратом.

Однако административные изменения, произошедшие в МОПРе во второй половине 1920-х гг., не затронули сущностную сторону работы данного общества. Именно в этот период в деятельности общественной организации наметился кризис, выразившийся в падении членской активности, в прерывающемся характере функционирования низовых ячеек. Активизация работы МОПРа велась уже апробированными способами, проведениями недель МОПРа, в рамках которых проходили конференции аймачных отделений, вербовка новых членов, лекции, собрания актива и пр.

Итоги очередной недели МОПРа весной 1927 г., несмотря на достаточно большой сбор средств в пользу подшефной корейской тюрьмы, в целом продемонстрировали падение активности работы мопровских ячеек, ведение работы «от случая к случаю». В качестве способа «оживления» работы массовой организации было предложено пополнять кадры мопровских активистов¹⁹².

Отчеты о мопровской работе в аймаках республики содержали созвучные по смыслу сведения о непроведившихся по году собра-

¹⁹⁰ ГАРБ. Ф. Р. 918. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹⁹¹ ГАРБ. Ф. Р. 717. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.

¹⁹² Бурят-Монгольская правда. 1927. 18 марта. № 59. С. 4.

ниях ячеек, слабом поступлении членских взносов, о нелегкой задаче собрать общее собрание ячеек МОПРа, как, например, в Баргузинском аймаке. Делегаты Тункинской аймачной конференции подчеркивали, что в ячейках «нет массовой работы. В некоторых ячейках по году не проводились общие собрания. ^Литература не распространена, лежит она в ячейках в хаотичном состоянии»¹⁹³. Некоторые положительные результаты мероприятий в рамках недели МОПРа отмечались только в ячейках Троицкосавского аймака, где была проведена «подписная» кампания, организовывались новые и возобновляли работу старые ячейки МОПРа¹⁹⁴.

Следует заметить, что предпринятые меры не дали долгосрочного эффекта и деятельность троицкосавских ячеек МОПРа к началу 1928 г. была сведена к пассивному существованию. Так, в протоколах заседаний Троицкосавской городской конференции МОПРа делегатом было отмечено, что «несмотря на целый ряд как письменных, так и устных указаний со стороны айкома МОПРа [ячейки], работу совершенно не ведут, нет учета членов, членский взнос полностью не собирается, имеется задолженность, отсутствует воспитательная работа, к проводимым кампаниям относятся пассивно^»¹⁹⁵.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что во второй половине 1920-х гг. республиканский МОПР переживал глубокий внутренний кризис, поставивший его фактически на грань распада. Деятельность общественной организации, ориентированная на включение большого количества членов, работа которых нуждалась в постоянной административной «активизации», становилась все более формализованной, оторванной от реальных проблем населения. Взятый к концу 1920-х гг. курс на «построение социализма в отдельно взятой стране» не способствовал распространению идей мировой революции на Восток, погасил мобилизационную активность МОПРа, мероприятия которого иначе воспринимались как самим населением, так и властью.

¹⁹³ Бурят-Монгольская правда. 1927. 18 марта. № 59. С. 4.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ ГАРБ. Ф. Р. 918. Оп. 1. Д. 1а. Л. 28.

Безусловно, обком МОПРа выполнял взятые на себя функции по сбору средств для заключенных капиталистических тюрем, оказывал «моральную поддержку» в виде писем, телеграмм и воззваний против общих классовых врагов. Вместе с тем это достигалось увеличением внутреннего административного влияния, а также определенного воздействия со стороны партийно-государственных органов, что проявилось в настоятельной рекомендации к плану проведения очередной недели МОПР в 1929 г.: «работу проводить совместно с партийными, комсомольскими и профорганизациями»¹⁹⁶.

Необходимо обратить внимание и на то, что проведение этой недели в 1929 г. по своим целям и задачам принципиально не отличалась от прошлых мероприятий и преследовало «задачу оживления мопровской работы, вербовку новых членов, организации, главным образом, из крестьянства и неорганизованного населения мопровских вечеров в избах-читальнях, клубах и красных уголках»¹⁹⁷.

Таким образом, Бурят-Монгольское отделение МОПРа за период 1920-х гг. прошло стадию своего организационного формирования. Созданный для распространения идей мировой революции на начальном этапе, он нашел поддержку у определенной части населения, которая с немалым энтузиазмом участвовала в его работе. Но постепенно интерес к деятельности МОПРа стал падать, чему в большей степени способствовала формализация и бюрократизация его структур, наращивание численности при отсутствии нового содержания его работы. Стимулирование интереса трудящихся к мопровской работе административными мерами, затухание его деятельности в связи с изменениями во внешнеполитическом курсе указывают на его включенность в политическую систему авторитарного общества. Такое положение обусловило общественную несамостоятельность МОПРа, его существование в рамках государственной идеологической концепции, с изменением которой его активная деятельность оказалась невостребованной. Осуществляющаяся МОПРом трансляция идеологии, призванная мобилизовать общественность на решение государственной задачи, стала суще-

¹⁹⁶ ГАРБ. Ф. Р. 918. Оп. 1. Д. 1а. Л. 54.

¹⁹⁷ Там же.

ственной характеристикой тоталитарной модели взаимоотношений государства и общества.

Выше отмечалось, что религиозная сфера в силу сложившегося общественно-политического контекста стала недоступной для ее активного освоения общественностью. Законодательство Советской России не признавало религиозные объединения в качестве субъектов общественного процесса. Вместе с тем органы государственной власти активно боролись с религиозными проявлениями, мировоззрением, нормами, освобождая пространство для новых общественных идеалов и ценностей. Парадоксально, но для борьбы с религиозными институтами государство активно привлекало общество, используя стремление человека строить «новый мир». Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения развития института общественных организаций, феномена «антирелигиозной борьбы» фактически не было, поскольку религиозные организации были исключены из общественной жизни и, естественно, не могли отстаивать свои идеалы и ценности. В общественной сфере 1920-х гг. была представлена только одна сторона идеологической борьбы — антирелигиозная — Союзом воинствующих безбожников.

Государственная власть, вмешиваясь в религиозную сферу жизни, должна была учитывать многоконфессиональный состав населения республики. В Бурят-Монгольской АССР были представлены все основные религиозные конфессии, где самой многочисленной стало православие, которое было представлено 83 234 верующими. Второй и третьей конфессиями по количеству верующих были буддизм с 77 830 верующими и старообрядчество, объединяющее 22 700 верующих¹⁹⁸.

Сложность конфессионального состава определяла более мягкие формы борьбы с религией в республике, такие как антирелигиозная пропаганда и подготовленный органами власти раскол буддийской и православной церковью на консерваторов и обновленцев. Принимая во внимание разработанность данной темы в региональной историографии, укажем лишь на системный характер меропри-

¹⁹⁸ История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. XX-XXI вв. С. 175.

ятий государственной власти, направленных на минимизирование влияния церкви на общественную жизнь.

На первой конференции Бурят-Монгольского обкома РКП(б) в марте 1924 г. в докладе секретаря обкома В. И. Трубачеева «О партийном строительстве» была поставлена задача проведения антирелигиозной пропаганды, которая, в частности, «должна полностью раскрывать классовый и эксплуататорский характер всякой религии»¹⁹⁹. В дальнейшем вопросы антирелигиозной пропаганды и агитации постоянно обсуждались на заседаниях и конференциях обкома.

В 1925 г. для контроля и определения политики в отношении всех религиозных объединений республики, а также введения антирелигиозной пропаганды при Буробкоме РКП(б) была учреждена комиссия по религиозным вопросам, утвержденная постановлением от 5 декабря 1925 г. Основными задачами комиссии были проработка, руководство и контроль за всеми мероприятиями по исполнению декрета об отделении церкви от государства²⁰⁰. Данное обстоятельство демонстрирует системное отношение государства к реализации антирелигиозной политики, в проведении которой власть видела важнейшее условие изменения общественного устройства.

Союз воинствующих безбожников стал стержнем политико-идеологической борьбы государства с религиозными институтами в республике. Областной совет общества был организован в Верхнеудинске 2 декабря 1926 г. и ставил задачей объединение всех трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех ее видах и формах.

В протоколе общего собрания Союза о его целях и задачах говорилось: «^принимая во внимание значительное влияние религии всех видов и форм на трудящиеся массы Бурятии и ее отрицательную роль в деле проведения основной задачи советской власти, укрепления диктатуры пролетариата и в деле культурно-

¹⁹⁹ ГАРБ. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 69.

²⁰⁰ История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. XX-XXI вв. С. 175.

национального строительства Бурятии в частности — общее собрание постановило: учредить Временный областной совет безбожников БМАССР, основная задача которого впредь до созыва конференции безбожников Бурятии, будет заключаться в руководстве и организации антирелигиозной работы как в центре, так и на местах»²⁰¹. Подобная постановка цели существования общественной организации демонстрирует ее заточенность на содействии антирелигиозной политики государственной власти. Более того, такая постановка целей союза указывала на негативную роль религии в деле строительства социализма, вычеркивая тем самым ее из общественного поля.

Республиканский союз безбожников являлся, пожалуй, единственной массовой организацией, устав которой был утвержден НКВД Бурят-Монгольской АССР как непротиворечащий положению от 30 августа 1922 г. и Конституции СССР²⁰². Областной совет безбожников имел представительство от местных ячеек безбожников перед всеми центральными учреждениями и органами республики и входил в состав СБ СССР. Для организации, объединения всех ячеек, руководства и контроля над ними был создан Временный областной совет союза безбожников из семи человек под председательством В. А. Богданова, заместителя председателя П. А. Янькова, секретаря Б. Д. Тогмитова²⁰³.

Все ячейки областного союза были сформированы по инициативе республиканской партийной организации, влияние которой в союзе безбожников было всеохватывающим. Так, на заседании коллегии агитационно-пропагандистского отдела Верхнеудинского городского комитета ВКП(б) было принято постановление о создании горсовета общества «Безбожник» в составе «товарищей Лабарешных, зав. ДРП Ставер, Ринчино»²⁰⁴. В сформированном президиуме республиканского СБ из 8 его членов только один не состоял в ВКП(б), остальные были кандидатами и членами партии и занимали

²⁰¹ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

²⁰² Там же. Л. 2.

²⁰³ Там же. Л. 5.

²⁰⁴ Там же. Л. 8.

высокие должности в государственном и партийном аппарате, как, например, А. Д. Данилов, являвшийся наркомом просвещения БМАССР²⁰⁵. Имея прямое отношение к формированию низовых ячеек, партийные органы контролировали их дальнейшую деятельность, формируя постоянное административное давление, поглощая тем самыми зарождавшуюся общественную инициативу.

Доминирование кандидатов и членов ВКП(б), ВЛКСМ в союзе воинствующих безбожников нарастало в течение второй половины 1920-х гг., что показывало усиливающуюся зависимость общественной организации от властных структур. К началу 1929 г. из 951 члена союза безбожников абсолютное большинство в нем составляли члены и кандидаты ВКП(б) и ВЛКСМ — 373 и 207 соответственно, 371 член являлся беспартийным²⁰⁶. Безусловное преобладание в СБ партийных работников, в частности сотрудников агитационно-пропагандистского отдела обкома партии, говорит об использовании союза в качестве инструмента давления на советскую общественность. В результате проводимого комплексного воздействия, по мысли партийных идеологов, советское общество должно было стать атеистическим.

Поскольку начатые преобразования сознания и культуры так или иначе охватывали все население страны, республиканский союз безбожников пытался расширять свое влияние. Но если цели других массовых организаций для населения республики были более понятны и разделяемы, то идеалы СБ были восприняты настороженно, в силу естественной религиозности населения. В связи с этим необходимо указать, что характер роста ячеек союза города Верхнеудинска демонстрировал отсутствие внутренней динамики его расширения. По данным «Годового отчета о работе городской организации союза безбожников, до 1928 г. постоянно действующих ячеек СБ в Верхнеудинске не было. На 1 августа 1928 г. в городе насчитывалось 23 ячейки: из них производственных — 8, советских — 7, красноармейских — 6, школьных — 2, с общей численностью 928

²⁰⁵ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²⁰⁶ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

человек. В 1929 г. ячеек общества было 24²⁰⁷. Документ, с точностью объясняющий причину создавшегося положения, нами найден не был, однако можно предположить, что резкий рост городских ячеек был вызван очередным властным нажимом, попытками «активизировать» работу.

В процитированном выше документе при указании общих недостатков работы ячеек сообщалось, что, «имея такой быстрый рост и большое количество членов, (часть) безбожников до сих пор не уяснила себе целей и задач организации СБ и существует организация только затем, чтобы взимать членские взносы и числиться безбожниками»²⁰⁸. Непонятные и неразделяемые членами союза цели и задачи организации привели к тому, что большинство «безбожников» не вели никакой работы или участвовали в ней формально. Подлинные причины отсутствия поддержки антирелигиозной пропаганды среди населения видятся в его глубокой религиозности, что доказывает факт значительного превышения членов религиозных объединений над членами союза безбожников²⁰⁹.

Процесс организационного становления и функционирования большинства аймачных ячеек проанализировать достаточно трудно ввиду дискретного характера их существования. Существуют протоколы, согласно которым ячейки СБ были созданы в 1927 г. в Хоринском и Агинском аймаках²¹⁰. Следующий этап «оживления» работы аймачных ячеек пришелся на зиму 1928/29 г. и характеризовался формированием ячеек в Баргузинском, Еравнинском и Кабанском аймаках, где были проведены аймачные съезды, на которых были избраны председатели, члены и кандидаты айкомов, намечены планы и задачи работы и т. д.²¹¹ Во всех случаях члены партии принимали участие в работе ячеек, стимулировали процесс их создания, руководствуясь иногда прямыми административными указаниями.

²⁰⁷ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

²⁰⁸ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 7. Л. 17 (об).

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-2.

²¹¹ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 18. Л.10; Д. 24. Л. 3, 6.

Сохранившиеся документы о деятельности союза безбожников в аймаках республики дают представление об эпизодической работе ячеек союза, показывают явное нежелание населения принимать участие в антирелигиозной работе. В отчете заведующего агитационно-пропагандистским отделом Тункинского айкома ВКП(б) Найданова за 1928 г. содержатся сведения о несистемной работе союза, о том, что были проведены антирелигиозные вечера и антипасхальная кампания. В документе также указывалось, что «^директивы по этому вопросу на места были даны своевременно. Однако проведена известная работа только в аймцентре, Коймарах и Тунке. В бурятских и смешанных районах никакой работы проведено не было»²¹². В качестве подведенного итога деятельности констатируется, что «ячеек СБ в аймаке фактически не существует. В аймцентре и то никакие меры не дают результатов»²¹³.

Причины откровенно слабой работы ячеек союза безбожников делегаты практически всех аймачных конференций видели в отсутствии партийного руководства работой низовых ячеек. На совещании секретарей ячеек города Верхнеудинска 10 сентября 1928 г. отмечалась низкая активность членов партии в процессе деятельности союза и проведении «антирелигиозной кампании»: «Партийцы говорили, что нам эта работа не нужна, лишь только потому, что мы сами в бога не верим», и далее «^они очень халатно относятся к этому», «ввиду халатного отношения к своей работе членов СБ бывает очень трудно собрать собрание или бюро»²¹⁴. Докладчик, председатель ячейки безбожников при винскладе назвал отсутствие результатов работы ячейки прямым следствием недостатка партийного руководства: «^Библиотеки и уголка при ячейке не имеется. Работы никакой нет ввиду того, что нет партруководства со стороны партячейки»²¹⁵.

Практика насаждения единственно верного атеистического мировоззрения, сочетаясь с применением методов административного

²¹² ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.

²¹³ Там же.

²¹⁴ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

²¹⁵ Там же.

принуждения, порождала формальное отношение населения к работе союза. Постепенно в ситуации отсутствия идеологического выбора, жесткого всеохватывающего контроля над личностью формировался определенный «общественный инфантилизм». Члены добровольной общественной организации, объясняя недостатки своей работы недостаточным партийным руководством, устраняли себя от активной общественной деятельности. Безусловно, в случае с необходимостью изменения традиционного религиозного мировоззрения подобная общественная пассивность являлась оправданной, однако во второй половине 1920-х гг. она распространилась на все формы общественной самодеятельности.

Работа союза безбожников в республике наглядно демонстрирует сложность и противоречия внедрения нового, но исторически чуждого мировоззрения. Активная пропаганда атеизма, которая становилась обязанностью всех общественных организаций, а также органов государственной власти, размывала собственный предмет деятельности СБ и делала его работу необязательной и фиктивной.

В резолюции проходившего 23-27 февраля 1928 г. первого республиканского съезда союза безбожников БМАССР, хотя и перечислены некоторые достижения организационного периода, но в то же время отмечается «почти полное отсутствие систематической, настоящей, массовой антирелигиозной работы, охватывавшей широкие слои населения»²¹⁶.

О проблемах внутрисоюзной жизни писал в своем обращении к товарищам секретарь союза А. Данилов: Все наши мероприятия по систематизации антирелигиозной работы в аймаках не увенчаются успехом. Даже после двухлетнего существования Бурорганизации безбожников в областном совете нет точных данных о количестве членов СБ и ячеек по отдельным районам, а также не известно, что делается на местах во время антирелигиозных праздников»²¹⁷. Болезненная ломка традиционных религиозных представлений населения, являвшаяся обязательным условием построения социалистического общества, стала важным фактором неэффективной

²¹⁶ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп.1. Д. 14. Л. 58.

²¹⁷ ГАРБ. Ф. Р. 581. Оп. 1. Д. 24. Л. 74.

работы СБ как общественной организации. Кроме того, низкая результативность работы союза объяснялась и нехваткой квалифицированных пропагандистов, методической и агитационной литературы, особенно на бурятском языке, о чем неоднократно говорили участники съездов и собраний безбожников.

Рубеж 1929-1930 гг. стал периодом усиления борьбы государства с религиозными институтами, что символизировало принятие постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных организациях» и резолюции бюро Бурятского обкома ВКП(б) 12-13 августа 1929 г. «Об антирелигиозной работе». Это совпадает с очередным этапом «оживления» работы СВБ как в союзном, так и в республиканском масштабе, во многом связанным с идеей так называемой «безбожной пятилетки», что сопровождалось ростом организации и ее омоложением, вызванным понижением возраста вступления в СВБ до 14 лет²¹⁸.

К концу изучаемого периода государство перешло от антирелигиозной пропаганды и агитации к активной борьбе с представителями духовенства, закрытию молитвенных зданий, пресечению обрядовых практик. Значительную роль в этих мероприятиях играл и республиканский союз безбожников. Собравшийся накануне месячника II пленум облсовета союза воинственных безбожников БМАССР дал своим ячейкам на местах установку добиться в течение 1930 г. закрытия минимум одного дацана или церкви в своем районе. Под действием антирелигиозной пропаганды население некоторых сел и улусов требовало закрыть местные храмы и молитвенные дома, а здания использовать под культурные учреждения²¹⁹.

Следовательно, союз безбожников Бурят-Монгольской АССР являлся общественной организацией, главной функцией которой стало содействие антирелигиозной политике государства. Прямое и всеохватывающее подчинение СБ воле партийных органов привело

²¹⁸ Церемпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917-1930 гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. С. 210.

²¹⁹ История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. XX-XXI вв. С. 155.

к отчуждению трудящихся от активного участия в деятельности общества. Невозможность иметь иные морально-нравственные убеждения и обязательность их пропаганды всеми участниками общественной жизни повлияли на отсутствие содержательной основы деятельности союза. Лишь только под воздействием довольно длительной антирелигиозной пропаганды некоторая часть населения стала открыто демонстрировать атеистические взгляды.

Ко второй половине 1920-х гг. общественная организация «Долой неграмотность!» занимала собственную позицию в общем контексте социокультурной модернизации. Эта организация с самого начала своего существования позиционировала себя как общество содействия органам государственной власти в деле борьбы с неграмотностью, определив свою роль в качестве проводника официальной образовательной политики. К началу второй половины 1920-х гг. республиканское отделение ОДН представляло сформированную общественную организацию, имевшую ячейки во всех аймаках Бурят-Монгольской АССР. В августе 1926 г. состоялась городская конференция ОДН, на которой были озвучены в том числе и основные показатели работы республиканского отделения.

Данные о численности ОДН довольно противоречивы и существенно разнятся. Так, из циркулярного письма центрального управления общества указывается, что к октябрю 1927 г. общество состояло из 152 ячеек с количеством членов 3 320 человек²²⁰.

В литературе оценки численности ОДН диаметрально противоположные: в монографии И. Н. Ильиной приводятся данные о 364 членах общества к 1927 г.²²¹, в работе З. А. Даниловой говорится о 6 883 членах уже к 1926 г.²²² Можно предположить, что различные сведения о численности ОДН являются следствием внутренней несогласованности работы общества, что привело к проблеме качественного учета членов его аймачных отделений.

²²⁰ ГАРБ. Ф. Р. 571. Оп.1. Д. 2. Л. 48.

²²¹ Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. URL: <http://www.arran.ru> (дата обращения: 23.06.2014).

²²² Данилова З. А. Общественные организации Бурятии (1923-1928 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. С. 156.

В этот же период было принято республиканское конкретизирующее положение о сомонных ячейках ОДН, где была определена структура ячеек, их функции, способы поступления и распределения средств, которые «расходятся исключительно на нужды ликбеза, по постановлению общего собрания членов ячейки и с утверждения хошбюро»²²³.

Достижения и недостатки работы ОДН изложены во вступительной части циркулярного письма «О работе на зимне-весенний период» в октябре 1927 г. В качестве положительных сторон работы отмечено создание пунктов ликвидации неграмотности, которые организовывались при инициативе и финансовой поддержке ячеек ОДН. Также отмечалось, что проведение агитационной работы вызвало «заинтересованность рабоче-крестьянских масс в деле ликвидации неграмотности»²²⁴.

Однако в этом же документе среди слабых сторон деятельности общества обращалось внимание на несогласованность в работе, отсутствие плановости, отчетности, недостаточность связи с партийно-государственными органами. Кроме того, подчеркивалась оторванность ячеек ОДН от крестьянских масс и как следствие отсутствие у последних интереса к работе общества, а также формальное отношение членов общественной организации к своим обязанностям²²⁵.

Противоречивые сведения о заинтересованности рабочих и крестьян в деятельности ОДН, возможно, отражают разные виды работы общества. Так, на этапе активной пропаганды внимание населения к работе общества возрастало, тогда как участие в повседневной деятельности не вызвало большого интереса.

Партийные органы также принимали активное участие в деятельности ОДН. Так, например, в резолюции коллегии агитационно-пропагандистского отдела Бурятского обкома ВКП(б) в 1928 г. «По докладу об итогах и перспективах ликвидации неграмотности и малограмотности» отмечалось недостаточное участие советской

²²³ ГАРБ. Ф. Р. 571. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

²²⁴ Там же. Л. 48

²²⁵ Там же.

общественности в деле ликвидации неграмотности и в качестве одной из мер по преодолению сложившегося положения указывалась необходимость «сосредоточить внимание на оживлении деятельности ОДН выделением наиболее активных комсомольцев в руководящие органы ОДН, обеспечив помощью и инструктажем их работу»²²⁶. Следовательно, меры, предпринятые для активизации внутренней работы общества, как и в большинстве случаев, заключались в прямом администрировании деятельности и не приводили к заинтересованности населения в работе ОДН.

В 1928-1929 гг. популярной формой просветительской работы стали так называемые «культпоходы», организованные Буробкомом ВКП(б) и ВЛКСМ, за время проведения которых организовывались школы, ликпункты, «красные уголки», читались лекции, проводились беседы и т. д. Во время очередного культпохода в 1928 г. в Верхнеудинске комсомольские культармейцы вновь организовали 10 новых ячеек ОДН, куда вовлекли 300 человек, приняли меры по улучшению работы существующих ячеек этого общества.

В 1929 г. во время культпохода в восточные аймаки в Селенгинском аймаке было организовано 46 хотонных школ, охвативших 824 человека, создано 5 ячеек общества «Долой неграмотность!», 8 красных уголков и т. д.²²⁷ Приведенные данные кроме успешности проведения подобных акций свидетельствуют о необходимости в постоянной «активизации» работы ОДН со стороны партийных органов, что говорит о слабой внутренней активности общества.

Из озвученного выше следует, что массовая организация «Долой неграмотность!», будучи наделенной востребованными социальными целями и задачами, не смогла их реализовать в силу своей включенности в механизмы властного контроля, что привело к подавлению общественной инициативы по ликвидации неграмотности.

Кроме добровольного общества «Долой неграмотность!» просветительской деятельностью на территории Бурят-Монгольской

²²⁶ ГАРБ. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 1269. Л. 53.

²²⁷ Чимитова Д. К. Государственное управление в сфере культурного строительства в 1920-е гг. // Д. К. Чимитова, В. В. Номогоева // Экономический журнал. 2010. № 2. Т. 18. С. 103.

АССР занималось научное общество им. Доржи Банзарова. Его работа заключалась в проведении исследований флоры и фауны, геолого-минералогических изысканий, изучения производительных сил республики.

Для организации научно-исследовательской работы в обществе были созданы физико-экономическая, политико-экономическая и историко-этнографическая секции. В 1927 г. была образована секция школьного краеведения. Научным обществом для популяризации краеведческих знаний издавался совместно с Бурятским ученым комитетом журнал «Бурятиеведение», а также публиковались тематические статьи в журнале «Жизнь Бурятии».

Однако применяемые формы и методы работы по расширению краеведческих знаний не приводили к ощутимому увеличению членского состава. Данное обстоятельство послужило основанием для постановки перед научным обществом задачи увеличения количества действительных членов и привлечения к работе широких трудовых масс и учащихся²²⁸. Несмотря на однозначно поставленные цели, рост членов этого общества происходил медленнее, чем в других общественных организациях. Так, если на 1 октября 1926 г. в НО им. Доржи Банзарова состояло 157 действительных членов и 36 членов-соревнователей²²⁹, то на 1 января 1929 г. количество действительных членов равнялось 315, число членов-соревнователей не изменилось²³⁰. Причины низкой динамики роста предположительно заключались в отсутствии централизованного административного аппарата, способного вовлекать широкие слои населения в общество.

Кроме того, данное научное общество в республике было единственной общественной организацией интеллигенции, что в условиях второй половины 1920-х гг. являлось фактором, не способствующим расширению ее влияния. Как и все общественные организации, данное общество испытывало на себе воздействие органов

²²⁸ Бурятиеведение. Верхнеудинск, 1925. № 1. С. 150.

²²⁹ История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. XX-XXI вв. С. 160.

²³⁰ Жизнь Бурятии. 1929. № 2. С. 116.

государственной власти, представители которой входили в состав руководства и определяли характер и цели его работы. В 1930 г. научное общество было закрыто в связи с реорганизацией системы краеведческих обществ.

В целом научное общество им. Доржи Банзарова занимало определенную нишу в общественном развитии республики, содействуя распространению краеведческих знаний силами активных членов общества. Не являясь массовым, оно стремилось к проведению работы, которой было бы охвачено население республики. Однако довольно мягкий властный контроль и отсутствие политического диктата стали причинами несколько замкнутой работы общества.

Для воссоздания целостной картины деятельности общественных организаций республики отметим, что во второй половине 1920-х гг. осуществляли свою деятельность общества «Друзья детей», республиканские отделения Российского общества Красного Креста, которые воплощали в жизнь благородные социальные цели. Недостаток источников о деятельности перечисленных обществ не позволил раскрыть сущностную сторону их работы. Можно лишь предположить, что это был пример противоречивого сочетания государственного контроля и общественной инициативы, направленной на решение конкретных социальных задач.

Анализируя деятельность общественных организаций республики, необходимо специально остановиться на проблеме их социального состава, которая представляется не столь однозначной. Выше было упомянуто, что в Советской России при создании общественных организаций приоритет получали социальные группы, лишённые этого права ранее, т. е. рабочие и крестьяне. В постановлении XIII съезда РКП(б) «Об очередных задачах партийного строительства» относительно пролетарского характера добровольных обществ говорилось, что в «росте и оживлении работы этих организаций находит свое выражение развертывание пролетарской ответственности, иначе говоря, развертывание подлинной рабочей демо-

кратии»²³¹. Другими словами, создаваемые общественные организации могли быть преимущественно пролетарскими, отражая тем самым конкретные партийные установки. Зафиксированное в нормативно-правовых документах видение социального состава общественных организаций стало весомым основанием для его консервации в дальнейшем. Для экономически активных слоев, зарождавшихся в период проведения нэпа, доступ в общественные организации был закрыт, что не давало последним возможности эффективного обновления. Вместе с тем участие в общественной деятельности социальных групп, традиционно ею не занимавшихся и к ней не подготовленных, стало почвой для ее содержательного упрощения, сведения ее к набору идеологем.

Данные о социальном составе общественных организаций приведены в следующей таблице.

Наименование общества	Год	Кол-во членов	Из них			
			Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие
ОДВФ	1924	4586	1505	791	1995	295
Авиахим	1924	1316	3861	2565	4425	465
Авиахим	1926	5739	1521	1159	2952	107
РОКК	1926	1119	146	220	482	271
ОДН	1927	364	145	17	202	-
ОДР	1928	435	169	41	194	31
<i>МОПР (байм.)</i>	<i>1928</i>	<i>7573</i>	<i>1924</i>	<i>2938</i>	<i>1891</i>	<i>820</i>
СБ (Верхн.)	1929	951	300	233	404	14

Источник: Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. URL: <http://www.aggan.ru> (дата обращения: 25.06.2014).

Приведенные неполные данные свидетельствуют о преобладании категории служащих практически во всех общественных орга-

²³¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7, доп. и испр. М.: Политиздат, 1953. Т. 1. С. 825.

низациях: 43% в обществе друзей воздушного флота, 52% — в Авиахиме, 40% — в обществе Красного Креста, 56% — в обществе «Долой неграмотность!», 40% — в союзе безбожников. Под термином «служащие» чаще всего скрывались представители государственного аппарата, администрации предприятий, формирующаяся научная интеллигенция. Рабочие и крестьяне массово входили в состав оборонных обществ, не являясь при этом доминантой их социального состава. В республике сложилась ситуация явного несоответствия между лозунгами об общественных организациях как о форме «развертывания» пролетарской демократии и реальным участием рабочих и крестьян в общественной жизни. При действительно масштабном вовлечении рабочих и крестьян в добровольные общества республики их положение оказалось номинальным, становясь своего рода «фасадной» характеристикой.

Идея вовлечения в общественно-политическую жизнь социальных групп, которым ранее эта деятельность была недоступна, являлась по существу благородной и революционной. Однако поголовная неграмотность, отсутствие исторических традиций участия трудящихся в общественной жизни, что ярче всего проявилось на региональном уровне, тормозили процесс формирования «пролетарской общественности».

Следствием описанного положения стал смешанный социальный состав добровольных обществ, в которых были представлены основные социальные группы. Смешанным являлся и национальный состав обществ. Перечисленные факторы, искусственно созданные инструкциями партийных органов, препятствовали образованию организаций, которые, отстаивали собственные национальные и классовые интересы. Некоторым исключением стали профсоюзные организации, которые, формально защищая интересы рабочего класса, на деле включали большую часть крестьянства.

Дефицит общественного опыта обусловил аморфность общественной инициативы, неспособность членов общественных организаций независимо от органов государственной власти заниматься общественной деятельностью. В одном из выпусков газе-

ты «Бурят-Монгольская правда» указано, что, судя по докладам председателей, «аймачные отделения всех организаций бездействуют. В центре о некоторых отделениях уже давно ничего не слышно. Некоторые организации пытались разбудить свои филиалы, но с мест «ни ответа, ни привета»²³². В конце концов, что наши общественные организации бездеятельны, общеизвестный факт», отмечалось в статье. Причины подобного положения объяснялись не недостатком общественной инициативы, а недостаточным, по мнению БурЦИКа, руководством советских органов. БурЦИК в качестве решения проблемы предлагал «провести отчетную кампанию обществ перед аймисполкомами»²³³. Бездеятельность общественных организаций стала неотъемлемой частью общественной жизни, а партийный диктат — верным средством ее улучшения.

Обязательное партийное представительство являлось еще одной общей характеристикой добровольных обществ республики. Партийная и комсомольская принадлежность членов общественных организаций стала обязательным условием их существования. В 1928 г. председатель Верхнеудинского городского совета Осоавиахима констатировал ослабление работы общества, причину чего он видел в том, что «парткомсомольские и профсоюзные организации до сего времени не уделяют должного внимания военной осохимовской работе, а подчас даже не интересуются ею»²³⁴. В качестве решения данной проблемы бурятский областной комитет ВКП(б) постановил «принять решительные меры к вовлечению 100% членов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также работников и работниц госпредприятий в члены Осоавиахима»²³⁵.

Данное решение демонстрировало еще одну ключевую характеристику развития советской общественности — всеобщее подчинение воле партии и государства. Нарастание авторитарных тенденций в жизни общества обусловило подключение всего об-

²³² Бурят-Монгольская правда. 1926. 5 июня. №125. С. 6.

²³³ Там же.

²³⁴ ГАРБ. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 1287.

²³⁵ Там же.

щества к решению той или иной государственной задачи, что иллюстрирует процитированный документ.

Таким образом, развитие общественных организаций Бурят-Монгольской АССР во второй половине 1920-х гг. проходило в условиях нарастания тоталитарных тенденций в жизни общества. Система жесткого партийно-государственного контроля привела к доминированию в республике однотипных массовых общественных объединений, которыми было охвачено большинство населения. Сформированные общества фокусировали общественную инициативу, приспособлявая ее к государственному видению функций социалистической общественности. Роль новой общественности заключалась в оказании «содействия» различным направлениям государственной политики, трансляции идеологических конструкций, являвшихся единственно правильными и обязательно разделяемыми всеми членами общества.

Государственный идеологический контроль, обозначив рамки проявления общественной инициативы, изменил природу существующих обществ. Добровольные массовые организации создавались при активном участии государственной власти, которая всецело регламентировала их деятельность, что стало главной причиной отчуждения населения от работы в них. Более того, давление на общественные организации, деятельность которых была всецело направлена на решение стратегических задач, являлось тотальным. В республике такими обществами стали МОПР и союз безбожников.

Добровольные массовые общества являлись инструментом идеологического влияния партии, способом насаждения официальной идеологической концепции. Массовые организации стали частью механизма тотального, всеобъемлющего контроля над общественной жизнью, действуя в рамках единых централизованных структур, которыми было охвачено все общество снизу доверху.